

теме, но она довольно отчетливо просматривается. Суть ее сводится к следующему: Пушкин — основоположник и зачинатель русского реализма. Генетически реализм связывается с романтизмом: поскольку Пушкин начинал как романтик, то делается принципиальный вывод — реализм вырос из недр романтизма. Формирование Пушкина-романтика происходило также в недрах романтизма. Отсюда естественное овладение им опытом своих предшественников — поэтов-романтиков (Жуковского и Батюшкова) и поэтов-предромантиков. Державина рассматривают как поэта классика, в творчестве которого нашли отражение предромантические черты.

Отсюда закономерность обращения Пушкина к Державину в романтический период, отсюда установление «созвучий»: у поэта-романтика была традиция, были предшественники, и он опирается на их опыт, продолжая начатое до него. Иногда «созвучия» устанавливаются с Державиным-классиком («Воспоминания в Царском Селе», например) или поэтами-сентименталистами, но это не меняет общего положения, поскольку Пушкин в ученический период обращается к разным традициям, к эстетическому опыту тех направлений, которые предшествовали романтизму.

Вот почему к 1825 г., когда Пушкин становится реалистом, положение кардинально меняется. Основоположнику нового направления, по мысли историков литературы, уже не на что было опереться в прошлом, нечего было продолжать. Более того, на пути утверждения нового возникли препятствия, мешавшие ему. Главной опасностью были прославленные авторитеты, писатели прошлого, чуждые пушкинской поэзии действительности. Среди этих авторитетов оказывается и Державин.

Так перед поэтом якобы возникает новая задача: не установление традиций, а борьба с авторитетами, следовательно, и борьба с Державиным. Оттого, по словам одного пушкиниста, Пушкин «обрушивается» с поразительной смелостью на Державина, чтобы ниспровергнуть этот «кумир».

Предоставим слово Д. Д. Благому. Встав «на путь глубоко самобытного национального творчества», Пушкин почувствовал «потребность оглянуться назад», определить свои отношения с прошлым «нашей бедной словесности».³ Державин, эта «могучая фигура», — самый крупный его предшественник. Его авторитет был силен не только у староверов, но и у друзей-еди-

³ Д. Д. Благой. Пушкин и русская литература XVIII века. В кн.: Литература и действительность. Вопросы теории и истории литературы. Гослитиздат, М., 1959, стр. 218.